

Е. А. Коваль

*Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске*

Я, ДРУГОЙ И НОРМА²

«Я» и «Другой» – необходимые элементы поступка. При этом и я, и другой имеют представление о моральных нормах, что влияет на их взаимодействие в мире поступка. Такое представление само по себе не определяет то, какой поступок совершается, – добродетельный или порочный. Однако можно предположить, что я и другой внутри поступка не руководствуются заданными извне общезначимыми нормами, но творчески преобразуют их, создавая каждый раз уникальный и неповторимый поступок и принимая ответственность за него как за результат своего нормотворчества.

Ключевые слова: поступок, норма, нормативность морали, нормотворчество, я, другой, моральное зло

E. A. Koval'

*Middle-Volga Institute (branch) of
All-Russian State University of Justice (ARSUJ) in Saransk
(Saransk, Russia)*

SELF, OTHER AND NORM

Self and Other are necessary elements of the Act. At the same time, both Self and Other have a representation on moral norms, which affects their interaction in the world of Act. Such representation does not determine by itself the fact which act takes place: virtuous or vicious. However, it can be assumed that Self and Other inside the act are not guided by the generally valid norms that are given from outside. Self and Other creatively transform the norms, creating each time a unique and inimitable act and taking responsibility for it as the result of their norm-creating.

Keywords: the act, norm, moral normativity, norm-creating, Self, Other, moral evil

DOI 10.22405/2304-4772-2019-1-2-80-86

Для того, чтобы состоялся любой поступок, необходимы «я» и «другой». Даже если речь идет о поступке-мысли, и никто, кроме самого поступающего, не знает о его свершении и содержании, в этом поступке имплицитно присутствует не только «я». Я и другой связаны, и природа этой связи представляется многомерной и многофункциональной.

Связь я и другого укоренена в бытии и предопределена им. Это «...не результат этических решений, а изначальная нравственная заданность бытия индивидов, которые вне этой заданности вообще не существуют как люди...» [4]. Однако я и другой в поступке встречаются и связываются по-разному, что позволяет выделять добродетельные и порочные поступки. Можно предположить, что, не в последнюю очередь, такое аксиологическое

²Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (19-011-00082).

разнообразие мира поступков обусловлено тем, как я и другой работают с моральной нормой.

Если люди, не имеющие представления о моральных нормах, существуют, то это, скорее, редкие исключения из правил. Парадоксальным образом, в теоретической плоскости исследования природы моральной нормы, особенностей ее воспроизводства, историко-культурных способов существования, свойств и признаков (императивность, универсализуемость, всеобщность), происхождения если и позволили приблизиться к пониманию исследуемого явления, то еще не дали достаточно определенных результатов. Все (или почти все) знают, что такое моральная норма, но ее концептуализация вызывает определенные трудности. Можно предположить, что они связаны со спецификой присутствия нормы в поступке, где заданы в бытии я и другой. Как они работают с нормой?

Если определять норму, как правило, заданное извне, пусть и очень авторитетным для поступающего источником, то поступок, по крайней мере, понимаемый так, как его описывает М. М. Бахтин, инкапсулируется. В мире поступка с его четкой архитектурой я, другой и я-для-другого в норме как в «себе равной, общезначимой признанной ценности» нет необходимости [3]. Если же понимать норму как отношение я к себе, к другому, к третьему, к миру, то в поступке я преобразует норму, конструирует ее каждый раз заново, принимая (или не принимая) ее как ценность, как неотъемлемую характеристику своего нравственного бытия, а, значит, и поступка. Я – творит норму здесь и сейчас, поскольку в поступке ему предоставляется самому «...быть источником того, что он говорит и делает, самому задавать общественно значимые стандарты суждений и действий» [4]. Это невозможно сделать, просто копируя чье-то поведение или следуя обычаю, повторяющемуся в неизменном виде в сходных ситуациях и не требующему рефлексии. Задавать стандарты в морали – это не механическое действие. «Я» – нормотворец, и занимается нормотворчеством всю жизнь, поскольку человеческая жизнь протекает в мире поступков.

Стандарты, которые задает поступающий, не выдумываются им. Это опыт я и другого. Это общепринятые суждения о добре и зле, индивидуальная рефлексия об этом. Так, например, ответ на вопрос о том, может ли норма конкретного поступка быть в идеальном мире идеальных людей, является одновременно и критерием его оценки [5, с. 24]. Уникальность поступка неоспорима, но уникальные поступки осуществляются не в вакууме, а в социуме. То общее, что есть у людей, воплощается в их мыслях и действиях. При этом метод понимания морали соответствует тому, который А. А. Гусейнов определяет, как адекватный для философии морали [4], поскольку разговор о творческой работе с моральной нормой может быть только от первого лица. Я творю поступок и задаю общезначимые стандарты здесь и сейчас. Никто кроме меня этого не сделает и никто, кроме меня, не будет нести за это ответственности.

Атрибутивный признак творческой деятельности – получение нового, но формы творчества весьма разнообразны – это и изобретение, и сочинение, и трансформация, и модификация, и приспособление, и толкование, и уникальное применение. Результатом нормотворчества в морали не обязательно должна быть новая норма. Это может быть и новый поступок. Но при этом норма только тогда имеет для меня императивную силу, только тогда определяет содержание моего ответственного поступка, когда становится моей личной ценностью, моей универсализуемой для всех максимой.

Ценностно-нормативное содержание поступка каждый раз создается, творится здесь и сейчас. Однако необходимо помнить, что поступающий может основывать свой поступок как на нравственно позитивных идеях, так и на антиидеях, которые, согласно А. И. Титаренко, «...мировоззренчески обосновывают и нравственно реабилитируют сознательный выбор зла...» [8, с. 9]. А. А. Гусейнов проблематизирует возможность сознательного выбора зла поступающим: «Он не может не стремиться к добру, ибо добро и есть то, к чему он стремится, и точно также он не может не избегать зла, ибо зло есть то, чего он избегает» [4]. Однако, в таком случае, как возможна свобода в поступке? Есть ли свободный выбор у поступающего, несущего особого рода ответственность, которая «...имманентна самому поступку, составляет его человеческое ядро» [4]? Если все предопределено за поступающего (и мотивы, и ответственность), то для того, чтобы оставаться человеком, ему необходимо только сокрушаться, когда по каким-то причинам его стремление к добру и избегание зла дает сбой (процедурный или содержательный), и вместо добродетельных поступков случаются порочные.

То, что плохие поступки в сознании поступающего иногда просто «случаются» или «получаются», отражается в языке. По мнению Н. Д. Арутюновой, «из нормативной картины мира (т. е. из системы норм) среднего человека ... вообще изъято зло. Норма применяется к позитивным явлениям, мера – к злу и к наказанию за зло» [1, с. 13]. Это отражает содержание феномена самооправдания в том случае, когда зло совершает сам поступающий, и чувства несправедливости, восприятия зла как несоразмерного в случаях, когда зло причиняется ему.

К сожалению, люди вполне успешно задействуют свои волевые и сознательные способности, чтобы стремиться ко злу, ничем его не маскируя. Например, месть может осуществляться под прикрытием таких нравственных ценностей как справедливость, мужество, благородство. А может осуществляться открыто, с полным осознанием того, что это проявление морального зла, но зла слишком соблазнительного, чтобы не быть совершенным. Прекрасно осознает порочность своего поступка индивид, всеми правдами и неправдами пытающийся уйти от ответственности за него. И, поскольку ответственность поступающего укоренена в бытии, бежать от нее можно только в небытие.

Необходимо отметить, что можно нести ответственность и за плохие поступки. Если то, что я делаю, уникально, я ни от чего не отрекаюсь и

принимаю на себя ответственность, включая все возможные последствия, это все равно не гарантирует добродетельности моего поступка. Например, я, зная о том, что лгать – плохо, могу поставить свою подпись под ложью, если считаю, что она – во благо. Более того, я могу хотеть задать общезначимый стандарт, то есть искренне хотеть, чтобы любой другой на моем месте поступил бы так же. Таким образом, ответственный способ существования не гарантирует его нравственной безупречности.

А. П. Скрипник определяет моральное зло как «...такое употребление специфических личностных способностей (прежде всего, сознания и воли), которое направлено на разрушение человека и очеловеченного мира» [7, с. 11]. Дегуманизация человека в бессознательном состоянии или против его воли не представляется возможной. И то, что человек не может избежать ответственности за свои поступки, не лишает его способности всякий раз делать выбор в пользу добра или зла, работая при этом с моральными нормами.

Для подтверждения тезиса о возможности поступающего не только не избегать зла, но и сознательно к нему стремиться, можно привести в примермышленого негодяя, описанного Д. Юмом в «Исследовании о принципах морали» [9, с. 279]. Это тот случай, когда поступающий знает о норме, но сознательно нарушает ее ради личной выгоды. Фактически, это одна из иллюстраций проблемы безбилетника, который, помимо желания получить выгоду имеет также желание, чтобы все остальные, в отличие от него, соблюдали нарушаемые им нормы. Второе желание вызвано пониманием того, что накопление критической массы безбилетников погубит общество, сделает невозможным его существование. Таким образом, безбилетник не желает, чтобы его максима стала общезначимым стандартом. И поскольку мы не можем отказать безбилетнику или негодяю, особенномышленому, в статусе человека, следовательно, необходимо признать, что поступок может осуществляться без стремления к добру.

Выбор зла – тоже творческий акт, поскольку предполагает использование сознания и воли, и не исключает работы с нормой, результат которой выражен в ее обесценивании в сознании поступающего или в отказе от нее. Антиидеи, как и любые другие, имеют своих творцов.

Вообще, если поступающий осознает, что выдает зло за добро, то он еще может быть признан избегающим зла (в частности, обосновывая поступок вынужденностью выбора меньшего зла, чтобы избежать большего), но уже не может утверждать, что стремится к добру. Если же он этого не осознает и искренне руководствуется самыми благими намерениями, то кто тогда осознает за него, что поступок – порочен? Кто вмешивается со своим мерилom, со своей нормой? Кто берет на себя такую ответственность в единстве с единственностью поступка? Откуда вообще берется различие поступков?

Такое различие – важная составляющая интерпретации поступка, осуществленной А. А. Гусейновым. М. М. Бахтин в таком методологическом ходе не нуждается, поскольку в его философии поступка отрицается существование вообще каких-либо специально этических норм [3].

Дифференциация поступков на добродетельные и порочные предполагает в каждом случае особое выстраивание отношений я и другого.

Если понимать норму как отношение между я и другим, возникает вопрос о том, какую роль я и другой играют в поступке? Как отмечает А. А. Гусейнов, «в нравственной вселенной Бахтина центром, солнцем, является «я», из него исходят все лучи. «Другие» – это своего рода планеты, они светят отраженным светом солнца» [4]. В таком мире поступка другой пассивен, объективирован. Он, фактически, один из многих других объектов в мире, окружающих поступающего. Но если «другой» – полностью объективирован, то «я» может подвергнуть себя только частичной самообъективации: «Я могу помнить себя, могу частично воспринимать себя внешним чувством, отчасти сделать себя предметом желания и чувства, то есть могу сделать себя своим объектом» [2, с. 65]. Результатом самообъективации получается весьма своеобразное «я», «я» - секондхенд, которое, вероятно, поступает как-то иначе, в отличие от необъективированного «я».

Если же рассматривать другого как равноправного с «я» нормотворца, то тогда другой в поступке «я» будет уже не «своим чужим», а сотворцом, соработником. «Я» находится в центре поступка, является Солнцем, когда нужно принимать на себя ответственность за все, что думаешь и делаешь; когда нужно жертвовать собой ради другого, не вредить, заботиться. Но можно предположить, что в случаях дружбы и любви мы как наблюдатели попадаем с Земли, например, на Татуин или иную планетную систему с двумя звездами. Встречаясь в нормотворческом процессе, я и другой равны для третьего, возможного оценивающего.

В философии поступка М. М. Бахтина такая ситуация не возможна. Е. В. Демидова пишет о том, что Другой там вовсе отсутствует: «Бахтин ничего не говорит ни о направленности действия на благо Другого, ни о том, чем отличается Другой от иных, в том числе неодушевленных и неживых предметов» [6, с. 286]. Анализ архитектоники поступка показывает, что другой там, конечно, не отсутствует, но знает свое место. Поступок осуществляется безотносительно другого, в силу долженствования «я» (особой установки сознания). Даже нарратив поступка – это исповедь или проповедь, но не диалог. Однако можно предположить, что, действуя из себя, творчески, «я» при этом действует не для себя (по крайней мере, не всегда) и не совсем сам по себе.

Итак, взгляд на поступок при помощи нормативной оптики позволяет переосмыслить взаимодействие «я» и «другого» в контексте морального нормотворчества. Такое переосмысление меняет структуру поступка. Поступающий в нем не одинок не только потому, что поступок – о двух концах, упирающихся в индивида и общество [4], но и потому, что во вселенной поступка – две звезды – я и другой.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 9-226.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Библиотека Гумер: сайт. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Baht_FilPost.php (дата обращения: 23.03.2019).
4. Гусейнов А. А. Нравственная философия и этика: доклад 11 марта 2019 г. М., 2019.
5. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3-33.
6. Демидова Е. В. Отсутствие Другого в философии поступка М. М. Бахтина // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 271-288.
7. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
8. Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 478 с.
9. Юм Д. Исследование о принципах морали // Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 177-314.

References

1. Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoy «kartiny mira») [Anomalies and Language (To the matter of language "picture of the world")] // Voprosy yazykozvaniya [Issues of linguistics]. 1987. No. 3. P. 3-19.
2. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [The Author and the Hero in Aesthetic Activity] // Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [The author and the hero: to the philosophical foundations of the humanities]. Saint-Petersburg: Azbuka publ, 2000. P. 9-226.
3. Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of action] // Biblioteka Gumer: site. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Baht_FilPost.php (reference date: 23.03.2019).
4. Guseynov A. A. Nravstvennaya filosofiya i etika [Moral Philosophy and Ethics]: Report of March 11, 2019. Moscow, 2019.
5. Guseynov A. A. Soslagatel'noye nakloneniye morali [Subjunctive mood of morality] // Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 2001. No. 5. P. 3-33.
6. Demidova E. V. Otsutstviye Drugogo v filosofii postupka M. M. Bakhtina [The absence of Other in the philosophy of the act of M. M. Bakhtin] // Eticheskaya mysl' [Ethical thought]. 2014. No. 14. P. 271-288.
7. Skripnik A. P. Moral'noye zlo v istorii etiki i kul'tury [Moral evil in the history of ethics and culture]. Moscow: Politizdat, 1992. 351 p.

8. Titarenko A. I. Antiidei. Opyt sotsial'no-eticheskogo analiza [Antiideas. Experience of social and ethical analysis]. 2nd ed., Ext. Moscow: Politizdat, 1984. 478 p.
9. Hume D. Issledovaniye o printsipakh morali [An Enquiry Concerning the Principles of Morals] // Works. In 2 vols. Moscow: Mysl', 1996. Vol. 2. P. 177-314.